В158 522

ПАВЕЛЪ ШИРСКІЙ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“.

ВОЗСТАНІЕ 2-го УРУПСКАГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА въ 1905 году.

Чистый сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу Екатеринодарскаго Комитета партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ,
Электропечатня И. Н. Дидмана
1917.

B158 S22

Павелъ Ширскій.

„Въ борьбѣ обрѣтешъ ты право свое“

ВОЗСТАНІЕ
2-го Урупскаго казачьяго полка
въ 1905 году.

Чистый сборъ съ изданія поступаетъ въ пользу Екатеринодарскаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ

ЕКАТЕРИНОДАРЪ,
Электропечатня И. Н. Дицманъ
1917.

Отъ автора.

Возстаніе 2-го Урупскаго казачьяго полка остается однимъ изъ яркихъ эпизодовъ революціонной борьбы на Кубани. Когда возстаніе было ликвидировано и вожаки возстанія пошли въ каторгу, я описалъ событія на основаніи разсказовъ самихъ участниковъ и по даннымъ судебнаго слѣдствія. Въ 1907 году рукопись была передана мною В. Бурцеву съ просьбой напечатать ее заграницей. Статья была напечатана въ № 7 «Былого» въ Парижѣ.

Желая сохранить память о славномъ выступленіи Урупцевъ, я выпускаю эту статью отдѣльнымъ изданіемъ.

Предводитель возстанія урядникъ Алексѣй Сазонтовичъ Кургановъ 4 марта 1917 года освобожденъ народомъ изъ Тобольской каторжной тюрьмы и вернулся къ себѣ на родину въ станицу Псебайскую. Ему я и посвящаю настоящую книгу.

Павелъ Ширскій.

Государственный исторический библиотека
724072

Возстаніе
2-го Урупскаго казачьяго полка.

1904-й годъ. Съ театра русско-японской войны шли все новыя и новыя вѣсти о пораженіяхъ. А изъ Россіи тянулись въ далекую Манчжурію все новые и новые полки. Нѣсколько полковъ Кубанскихъ казаковъ уже находились въ Манчжуріи. Отъ нихъ время отъ времени приходили письма къ роднымъ въ Кубанскія станицы. Не веселыя то были письма!... Начальство воруетъ, казаки не имѣютъ самаго необходимаго, японцы всегда оказываются лучше одѣты, лучше обуты и хорошо подготовлены! «Бьютъ нашихъ!»—поговаривали уже въ станицахъ, какъ ни старалось начальство скрыть размѣры пораженій.

Такое было настроеніе, когда по станицамъ Майкопскаго отдѣла объявленъ былъ сборъ казаковъ Урупскаго полка второй очереди. Сколько ни говорило начальство патріотическихъ рѣчей о священной обязанности поддержать славу русскаго оружія, сумрачные *явились.* казаки на вневзапно объявленную для нихъ службу Они отбыли уже свои сроки дѣйствительной службы, большинство поженилось, обзавелось дѣтьми, своимъ хозяйствомъ, и вдругъ снова на службу, и на долго ли?! Уходя урупцы прощались съ семьями,—итти надо вѣдь въ Манчжурію,—удастся ли снова вернуться на Кубань и снова повидаться съ родными?

Полкъ собрался въ Екатеринодарѣ. О походѣ начальство ничего не говоритъ. Отдѣльныя части разсылаются въ разныя мѣста: 2-ая и 4-ая сотня—въ гор. Новороссійскъ, 5-ая—въ Усть-Лабу, остальныя—въ Екатеринодаръ. Своимъ чередомъ идетъ ученье, а главное донимаютъ парады и караулы. Сегодня въ Новороссійскѣ за городомъ митингъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ,—четвертой сотнѣ быть на готовѣ! въ Екатеринодарѣ—забастовка маслобойныхъ рабочихъ,—казаки посылаются патрулями въ объѣздъ. У богатаго помѣ-

щика N рабочіе поломали сельско-хозяйственныя машины, помѣщикъ шлетъ телеграмму начальнику области,—отдается приказъ казакамъ немедленно выѣхать въ экономію N

Вотъ уже и война кончилась, а казаки все на службѣ. Ропщутъ казаки, а забастовочное движеніе все ростетъ. Забастовки идутъ въ экономіяхъ митинги сначала тайные происходятъ въ станицахъ. Изъ газетъ до казаковъ доносятся вѣсти о забастовкахъ солдатъ въ Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Воронежѣ... Наконецъ, 18-го октября въ Екатеринодарѣ дѣлается извѣстнымъ манифестъ. Громадный митингъ собирается въ городскомъ саду. Стройно съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень двигается десятитысячная толпа по главной улицѣ. Около Соборной площади на встрѣчу шествію выходитъ кучка переодѣтыхъ городовыхъ съ царскимъ портретомъ. Все заранѣе расчитано. Камень летитъ въ царскій портретъ, раздается провокаторскій выстрѣлъ. Изъ-за угла выѣзжаетъ приготовленная сотня казаковъ. Раздается команда: «пли!»... Рядъ ружейныхъ выстрѣловъ... Люди бѣгутъ въ ближайшія поперечныя улицы... Послѣ выстрѣловъ быстро собираются черносотенцы, городовые кричать: «Къ дому доктора Рохлина! сжечь его!» Толпа поднимаетъ принесенное бѣлое знамя съ изображеніемъ государственнаго орла. Знаменосецъ становится на троттуарѣ противъ дома Рохлина. Начинается погромъ; вламываются въ домъ, рвутъ книги, бьютъ посуду, ломаютъ мебель. Призваннымъ къ дому казакамъ отдается приказъ: громиламъ не препятствовать. Задумываются казаки. Что бы это значило? всѣ говорятъ,—добрый докторъ и къ народу хорошо относился, а начальство содѣйствуетъ погрому!

А дальше начинаются событія, которыя еще болѣе заставляютъ казаковъ задуматься. Въ городѣ образовывается Рабочій Комитетъ изъ представителей заводовъ и представителей отдѣльныхъ отраслей труда. Митинги происходятъ открыто, въ отведенномъ начальствомъ для митинговъ городскомъ саду. О времени митинговъ разсылаются объявленія отъ имени Рабочаго Квмитета. Тысячныя толпы со вниманіемъ выслушиваютъ ораторовъ. Говорятъ о народной нуждѣ, о произволѣ начальства, объ единеніи солдатъ съ народомъ. Высту-

паютъ интеллигенты, простые рабочіе, время отъ времени—солдаты и казаки.

Казармы Урупскаго полка по сосѣдству съ городскимъ садомъ. Хотя начальство и запрещаетъ посѣщать митинги, но какъ не послушать, что говорятъ про казацкую и солдатскую службу. Казаки раздобываютъ «вольную одежду», переодѣваются, перелѣзаютъ черезъ заборъ и смѣшиваются съ толпою. Заводятся знакомства съ «вольными». Соціалисты-революціонеры въ это время усиленно вели пропаганду между солдатами Анапскаго батальона. Нѣсколько человѣкъ изъ каждой роты посѣщали конспиративную квартиру, запасались тамъ книжками и прокламаціями и раздавали ихъ въ своихъ ротахъ. Завязываются связи и съ казаками. Отдѣльные казаки начинаютъ также посѣщать эту квартиру. Постепенно завязываются сношенія между казаками и солдатами. Особенно связи эти укрѣпляются во время забастовки Анапскаго батальона.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ распропагандированные анапцы открыто повели агитацію за предъявленіе требованій къ начальству. Требованія были выработаны, весь батальонъ одобрилъ ихъ. Анапцы заявили, что они не допустятъ къ себѣ въ казармы ни одного офицера, пока требованія не будутъ удовлетворены. Были произведены выборы своего начальства. Командиромъ батальона были избранъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ. Забастовка анапцевъ протекала совершенно мирно. Отбывались полагавшіеся караулы, производились ученья, но только все подъ командой выборныхъ изъ своей же среды начальниковъ. Новостью въ батальонѣ явилися лишь общія собранія ротъ и всего батальона, на которыхъ начальники совѣщались со своими подчиненными и принимались рѣшенія. Новостью были и посѣщенія «вольныхъ», допускавшихся съ разрѣшенія выбраннаго батальоннаго командира.

Начальство отнеслось къ забастовкѣ легко и думало привести ее къ концу въ нѣсколько дней. Наказный атамамъ пожелалъ вступить въ переговоры, былъ съ разрѣшенія батальоннаго командира допущенъ въ казармы и увѣщалъ солдатъ подчиниться законной власти. Анапцы встрѣтили наказного атамана почтительно со всѣмъ полагающимися по закону церемоніаломъ, но изъ своихъ требованій ничего не уступили и принять

своихъ офицеровъ отказались. Тогда начальство стало подготовлять военную силу, чтобы привести анапцевъ къ подчиненію. Такой силой въ рукахъ начальства могли быть казаки.

Офицеры-урупцы въ разговорахъ съ казаками начали говорить, что солдаты набираются изъ хулигановъ, сегодня онъ—солдатъ, а завтра пойдетъ опять въ шахтеры, что они забыли присягу и надо ихъ проучить.

Но анапцы, въ свою очередь, тоже не дремали. Около анапскихъ казармъ находится пороховой погребъ Урупскаго полка. Въ городѣ уже давно ходили слухи, что при первой надобности анапцы безъ всякаго почти сопротивленія могутъ захватить казачью артиллерію и пороховой погребъ. Начальство знало это и стало высылать усиленные караулы къ пороховому погребу. По ночамъ къ карауламъ подходили анапцы, разговаривали о своихъ требованіяхъ, объ обидахъ и притѣсненія со стороны начальства, а эти обиды и притѣсненіяхъ тѣ же, что и у казаковъ. Нѣкоторые изъ казаковъ стали посѣщать и казармы анапскаго батальона. Предметомъ обсужденія былъ все тотъ же вопросъ: неужели вы, братья-казаки, будете стрѣлять въ насъ, солдатъ?

Разговоры о томъ можно ли стрѣлять въ анапцевъ. стали уже открыто вестись въ казармахъ Урупскаго полка Разговоры велись въ такомъ тонѣ, что начальство отдало распоряженіе: офицерамъ не отлучаться отъ своихъ сотенъ и поспѣшило удовлетворить главныя требованія анапцевъ. Забастовка анапцевъ кончилась, офицеры вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и только въ обращеніи ихъ съ солдатами замѣтна была большая перемѣна.

Урупцамъ уже не угрожаетъ итти съ оружіемъ противъ анапцевъ. Но тутъ всплыли всѣ притѣсненія и обиды, которыя накопились у урупцевъ. Почему насъ держали до сихъ поръ на службѣ? Мы отбыли уже свою службу. Насъ набрали для войны. Война теперь кончена. Не дѣло казаковъ нести полицейскую службу. Царь далъ манифестъ, теперь митинги разрѣшены, на митингахъ люди мирно говорятъ о своихъ насущныхъ нуждахъ, а начальство не законно посылаетъ насъ разгонять митинги. Нельзя, по манифесту, бить гражданъ... Насъ посылаютъ охранять помѣ-

щичью экономію, а у насъ свои хозяйства остались безъ работниковъ, наши семьи разворяются... Чего намъ еще ждать?—нужно добиваться самимъ, какъ анапцы.

Такіе разговоры открыто велись въ казармахъ Урупскаго полка. Особенно выдавался своими рѣчами сотенный фельдшеръ Шумаковъ. Молодой, горячій, онъ велъ знакомство съ анапцами, читалъ книжки, видалъ прокламаціи. На происходившихъ въ казармахъ собраніяхъ онъ выступалъ ораторомъ. Его не смущало и появленіе офицеровъ. Внезапно на собраніе является офицеръ, онъ не кричитъ уже: «смирно! стройся!», а скромно становится въ сторонкѣ, пробуетъ возражать оратору, доказывая, какъ много начальство печется о казакахъ.

— Знаемъ, знаемъ заботы начальства!—раздается съ разныхъ сторонъ.

— Гдѣ же, ваше благородіе, эти заботы начальства?—возвышаетъ свой голосъ Шумаковъ. У войска есть, говорятъ, большіе войсковые капиталы, о чемъ бы войску и не позаботиться, какъ не о нашихъ семьяхъ. А развѣ наши семьи получили какую-нибудь помощь? У войска есть стипендіи для казацкихъ дѣтей. А я хлопоталъ о стипендіи для брата. Ее отдали офицерскому сыну. Не для насъ эти капиталы, не для насъ степендіи.

— Вѣрно! Правда!—раздается сочувственный говоръ казаковъ.

Съ каждымъ днемъ настроеніе казаковъ повышалось. Тотъ или иной выходъ становился неизбѣжнымъ. Это понимали всѣ. Въ ночь на 25 ноября рѣшено было собраться наиболѣе вліятельнымъ въ своихъ сотняхъ казакамъ, чтобы прійти къ какому-нибудь общему рѣшенію. На собраніи этомъ окончательно было рѣшено предъявить начальству требованія. Главнымъ требованіемъ должно быть распущеніе полка по домамъ. Пока требованія обсуждались по сотнямъ, произошло событіе, которое ускорило развязку. 14-й и 17-й батальоны, посланные для усмиренія народнаго возстанія въ Сочи, Новороссійскъ и другія мѣста, отказались нести службу и разошлись по домамъ. Немедленно рѣшено было послать депутацію къ сотнямъ, расположеннымъ въ Новороссійскѣ, съ предложеніемъ присоединиться къ ихъ требованіямъ.

Ѣхать депутатами отъ полка вызвалось нѣсколько молодыхъ казаковъ. 15-го декабря они явились на вокзалъ, обратились къ желѣзнодорожному забастовочному комитету, разсказали о цѣли своей поѣздки, и экстреннымъ поѣздомъ были доставлены въ Новороссійскъ.

Казаки, находившіеся въ Новороссійскѣ, не зная, что происходитъ въ другихъ сотняхъ въ Екатеринодарѣ, недовѣрчиво отнеслись къ депутатамъ. «Пусть къ намъ придутъ старшіе, пусть намъ скажутъ урядники, мы отъ полка не отстанемъ!»—были общіе отвѣты.

Когда вернувшіеся делегаты сообщили полку объ отвѣтѣ, полученномъ ими отъ расположенныхъ въ Новороссійскѣ сотенъ, немедленно рѣшено было послать новую депутацію. Въ нее вошли исключительно урядники и, притомъ, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ въ полку: Кургановъ, Сушковъ, Гаврилюкъ и др. Совѣщанія о посылкѣ депутатовъ происходили уже въ присутствіи офицеровъ. Объ отъѣздѣ избранныхъ депутатовъ сообщили сотенному командиру. Онъ не рѣшился протестовать, и делегаты съ вѣдома начальства ушли изъ казармъ. 17-го декабря особымъ поѣздомъ, предоставленнымъ имъ забастовочнымъ комитетомъ, депутаты были доставлены въ Новороссійскъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ депутаты отправились въ казармы 4-ой и 6-ой сотенъ. Бывшій въ числѣ депутатовъ урядникъ Кургановъ сообщилъ о рѣшеніи полка самовольно уйти со службы, если начальство не исполнитъ ихъ требованія о роспускѣ ихъ по домамъ и предложилъ казакамъ присоединиться къ ихъ рѣшенію. Раздались крики: «согласны, всѣ согласны!», и казаки начали укладывать свои вещи.

Сотенный командиръ, желая раздѣлить казаковъ, скомандовалъ: «кто хочетъ уходить--направо, кто хочетъ остаться,—налѣво.» Налѣво пошли только два казака, много разъ оштрафованные за пьянство и воровство. Раздается общій смѣхъ, и самъ сотенный командиръ, сконфузившись, пробормоталъ: «Такой сволочи мнѣ не надо, можете и вы уходить!»

Былъ уже поздній вечеръ, когда депутаты отправились во 2-ю сотню. Одна полусотня была размѣщена въ товарныхъ вагонахъ на рельсовыхъ путяхъ. Казаки уже спали. Командиръ же полусотни Бѣлгородскій, узнавши о пріѣздѣ депутатовъ и о цѣли, рѣ-

шилъ ни въ какомъ случаѣ не допустить депутатовъ до казаковъ. Онъ выбралъ самыхъ надежныхъ изъ казаковъ, и сталъ вмѣстѣ съ ними на караулѣ. Когда депутаты приблизились къ вагонамъ раздался окликъ: «Кто идетъ!»—«Депутаты отъ полка!»—«Зачѣмъ?—«Снять со службы!»—«Вѣстовой!—давай винтовку»!, скомандовалъ офицеръ. Депутаты были безъ оружія. Стоявшіе на караулѣ казаки готовы были стрѣлять. Ничего другого не оставалось, какъ повернуть назадъ. Эта полусотня единственная, которая не примкнула къ движенію всего полка.

19 декабря, когда депутаты вернулись въ Екатеринодаръ, было рѣшено что всѣ сотни встрѣтятъ прибывающихъ изъ Новороссійска. Казаки осѣдлали лошадей и въ полномъ составѣ сотнями отправились на вокзалъ. Видя свои сотни построенными, офицеры рѣшили, что обязанность ихъ быть при сотняхъ, и также отправились на вокзалъ. Бурные крики «ура» раздались, когда подошелъ поѣздъ съ урупцами. Въ 12 час. рѣшено было всѣмъ казакамъ Урупскаго полка собираться во дворѣ 3-ьей сотни. Вышелъ Шумаковъ и прочиталъ выработанныя требованія полка. Требованія эти изложены такъ: «Просьба 2-го Урупскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска: 1. просимъ всѣмъ полкомъ о роспускѣ въ недѣльный срокъ; 2. удовлетворить всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, при роспускѣ, деньгами, положенными отъ казны, войска, города, желѣзной дороги и сотенныхъ артельныхъ суммъ; 3. дать намъ отъ начальства подписку, чтобы за эту просьбу никто изъ нижнихъ чиновъ полка не пострадалъ, какъ полкомъ, такъ и въ одиночку. 4. казаку Александру Сливкину, осужденному въ дисциплинарный батальонъ, смягчить наказаніе.» Требованія встрѣтили общее одобреніе. Скоро стало извѣстно, что на сходку казаковъ прибудутъ наказный атаманъ Одинцевъ, его помощникъ, генералъ Бабичъ, и начальникъ штаба, генералъ Пржевальскій, выслушать претензіи казаковъ. При появленіи начальства подъесаулъ Кучеровъ попробовалъ скомандовать: «Смирно! стройся»! Къ нему подошелъ урядникъ Кургановъ и заявилъ:

—Ваше благородіе, къ чему строиться, довольно строились, полкъ вышелъ изъ повиновенія,—и вы здѣсь не командуете!

— Очень жаль!—пробормоталъ сконфуженный офицеръ.

— Кому жаль, а намъ совсѣмъ не жаль. Товарищи становися въ кругъ!

Явилось начальство. Начальникъ области, генералъ Одинцевъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ стоявшихъ вольно казаковъ. Но помощникъ его, генералъ Бабичъ, не вытерпѣлъ и, обратившись къ группѣ стоявшихъ урядниковъ проговорилъ:

— Передъ кѣмъ стоите? Со всѣхъ васъ надо снять нашивки!

— Генералъ Бабичъ былъ ненавидимъ всѣми казаками, среди урящевъ о немъ говорили, что онъ подбиваетъ оставшихся еще на службѣ пластуновъ пойти съ оружіемъ на урящевъ. На его замѣчаніе раздался глухой ропотъ, который грозилъ перейти въ наступленіе на генерала. Начальникъ области понялъ это и громко заявилъ:

— Только я имѣю право разжаловать и снять нашивки!

Самъ Бабичъ смутился и пробормоталъ:

— Я только шутки ради такъ сказалъ.

— Не до шутокъ намъ здѣсь,—отвѣчали казаки.

— Чего вы хотите?—обратился начальникъ области къ собравшимся казакамъ.

Толпа заговорила вся сразу, трудно было разобрать что либо въ общемъ говорѣ. Тогда начальникъ области обратился къ толпѣ:

— Кто изъ васъ можетъ говорить, выходи и говори одинъ!

Вышелъ урядникъ Кургановъ

— Прежде, чѣмъ говорить, прошу Ваше превосходительство удалить нашихъ офицеровъ,—заявилъ Кургановъ.

Начальникъ области велѣлъ офицерамъ отойти.

— Много казаки терпѣли, началъ Кургановъ: насъ кормили такъ, что пищу часто приходилось выбрасывать, наши помѣщенія сырыя, въ нихъ люди заболѣваютъ. Наши офицеры обращались съ нами хуже, чѣмъ со скотами. Мы терпѣли и терпѣли бы дальше. Но начальство заставляетъ итти противъ народа, заставляетъ проливать кровь невинныхъ людей. Полицейской службы казаки больше нести не желаютъ. Войны теперь

нѣтъ, и поэтому полкъ требуетъ, чтобы въ теченіе 7-ми дней онъ былъ распущенъ.

Все это было сказано твердо, рѣшительно и поддержано всѣми присутствовавшими казаками. Начальникъ области увидѣлъ, что разговаривать здѣсь безцѣльно, обратившись къ казакамъ, сказалъ:

— Не я васъ собиралъ, не могу васъ и распускать, Отъ царя же вамъ разрѣшенія уходить нѣтъ. Вотъ вамъ телеграмма отъ графа Витте, который у царя первымъ министромъ, Онъ приказываетъ казакамъ отправиться въ Новороссійскъ. Тамъ хулиганы захватили городъ и грозятъ разграбить банкъ. Не хотите слушаться, дѣйствуйте, какъ знаете, хотите уходить— уходите!

— Въ Новороссійскѣ нѣтъ хулигановъ, тамъ народъ прогналъ своихъ начальниковъ,—раздались голоса прибывшихъ изъ Новороссійска казаковъ,

— А какъ они телеграмму получили, когда вторую недѣлю телеграфъ бастуетъ?—вдругъ раздался голосъ одного изъ урядниковъ.—Насъ обманываютъ братцы, телеграмма подложная.

— Больше разговаривать нечего,—сказалъ Курганов,—наши требованія начальство удовлетворить не желаетъ, мы должны съ оружіемъ въ рукахъ заставить начальство исполнить наши требованія.

— И ждать больше нечего,—крикнулъ Гаврилюкъ—пластуны уже ушли, и намъ нужно дѣйствовать открыто. Нужно выбирать командира и уходить.

— Курганова, Курганова!—раздалось въ толпѣ.

— Эхъ, братцы, погибать придется, у меня вѣдь жена—ее не оставьте!

— Не оставимъ, не оставимъ!—раздалось по рядамъ казаковъ.

— Ну, такъ давайте отъ каждой сотни подписку, что меня командиромъ выбираете!

Быстро были написаны по числу сотенъ листы съ уполномочіемъ Курганова командовать полкомъ и съ обязательствомъ всѣхъ казаковъ подчиняться ему, какъ законному командиру.

—Теперь, братцы, выбирать сотенныхъ командировъ.

Сотни разошлись по разнымъ концамъ двора. намѣтили сотенныхъ командировъ. Курганов утвердилъ выборы.

Курганов собралъ сотенныхъ командировъ и приказалъ отнынѣ за всѣми распоряженіями обращаться къ нему. Самъ же подошелъ къ оставшемуся въ сторонѣ начальнику штаба и заявилъ:

— Полкъ уходитъ,—кому прикажете сдать посты?

Начальникъ ничего не отвѣтилъ, и со слѣдующаго дня на постахъ урупцевъ стояли уже не разошедшіеся пластуны.

Не сняты, а усиленны были только посты около полковой канцеляріи, гдѣ хранилось полковое знамя и денежный ящикъ.

День прошелъ въ сборахъ. Къ Курганову то и дѣло обращались за распоряженіями. Нѣсколько человѣкъ было послано снять вѣстовыхъ у офицеровъ. Вѣстовые брали свои вещи и уходили Нѣкоторые обратились къ офицерамъ за разрѣшеніемъ. «Уходи, уходи, закричалъ офицеръ одному изъ вѣстовыхъ, а то подумаютъ, что я тебя задерживаю.»

Такова была растерянность офицеровъ.

Между тѣмъ, въ городѣ на Соборной площади шелъ десятитысячный митингъ. Неожиданно на митингъ явился верхомъ на лошади казакъ. Толпа сначало съ недовѣріемъ посмотрѣла на казака, но пропустила его къ мѣсту предсѣдателя. Предсѣдатель переговоривши съ казакомъ, объявилъ, что явился посланный отъ Урупскаго полка съ увѣдомленіемъ, что полкъ рѣшилъ не нести больше полицейской службы и уходитъ въ родныя станицы. Полкъ шлетъ привѣтствіе гражданамъ и въ случаѣ преслѣдованія со стороны начальства ждетъ, что народъ поддержитъ его въ борьбѣ.

Оглушительное «ура», «слава урупцамъ» не смолкало на площади. Шапки полетѣли вверхъ. Никогда не видѣлъ такой встрѣчи ни одинъ казакъ!

Толпа окончила митингъ и разошлась по улицамъ. Небольшія толпы демонстрантовъ были въ разныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ, у начальника оставались еще вѣрными службѣ одни только пластуны. Начальникъ области не хотѣлъ еще признать, что онъ потерялъ власть надъ Урупскимъ полкомъ и отдалъ дежурному адъютанту приказаніе выслать для охраны дворца полсотни конныхъ урупцевъ. Не зная, какъ выполнить приказаніе, адъютантъ обратился къ Курганову и просилъ его прислать конныхъ казаковъ для охраны двор-

ца и пожалованныхъ войску знаменъ и регалій, такъ какъ хулиганы покушаются разгромить дворецъ и уничтожить казачьи регаліи.

Послѣднее адъютантъ уже прибавилъ отъ себя. Курановъ, выслушавъ адъютанта, сказалъ, что никакихъ хулигановъ нѣтъ и никто уничтожать казачьихъ регалій не собирается, и лишь для провѣрки согласился послать десять пѣшихъ казаковъ ко дворцу начальника области. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ генералъ Бабичъ и, узнавъ, какъ выполнено распоряженіе начальника области, отослалъ ихъ обратно.

Казаки собирались. Къ Курганову то и дѣло обращались за распоряженіями. Музыканты отказались итти въ циркъ на представленіе безъ распоряженія Курганова. Начальникъ музыкантской команды идетъ къ Курганову съ просьбой отпустить музыкантовъ. Завѣдывающій обозомъ отказывается отпустить лошадь командиру полка безъ распоряженія Курганова. Къ Курганову обращается администрація, къ Курганову обращаются представители партій и митинговъ.

Передъ Курановымъ стоитъ еще главная забота: въ полномъ порядкѣ вывести полкъ изъ Екатеринодара. Ночью на 20-е декабря разнесся слухъ, что офицеры рѣшили тайно вынести изъ канцеляріи полковое знамя и денежный ящикъ. Основаніемъ къ возникновенію этого слуха послужило то, что наканунѣ, дѣйствительно, состоялось у начальника области совѣщаніе офицеровъ, на которомъ командиръ полка предложилъ силою завладѣть знаменемъ и денежнымъ ящикомъ и просилъ дать ему для этого оставшихся вѣрными пластуновъ. Но всѣ присутствовавшіе признали это безумнымъ предпріятіемъ. Начальникъ области заявилъ, что городъ наполненъ революціонерами, что онъ не можетъ положиться на пластуновъ и, кромѣ того, „знамя принадлежитъ полку“.

Ночью на собраніи урядниковъ было рѣшено завладѣть полковымъ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ. Вечеромъ 22-го декабря отрядъ казаковъ, человѣкъ въ 70, во главѣ съ Курановымъ, подошелъ къ полковой канцеляріи. Въ канцеляріи въ это время занимались писаря. Стоявшій на караулѣ казакъ Дорошенко никого изъ офицеровъ не допускалъ. Одинъ изъ офицеровъ, подъ предлогомъ, что ему нужно поговорить по теле-

фону попытался пройти, но казакъ загородилъ дорогу. Кургановъ скомандовалъ выносить знамя и ящикъ. Призвали казака слесаря, который отвернулъ винты, на которыхъ былъ укрѣпленъ ящикъ. Въ немъ находилось 28000 рублей. Когда вынесли знамя, офицеръ отдалъ честь знамени. Ящикъ поставили на двуколку и весь отрядъ двинулся въ казармы. Уходя, Кургановъ захватилъ съ собой нѣсколько бланковъ и печать полка, а канцелярію велѣлъ запереть. Кто-то изъ писарей обратился къ нему съ просьбой не запирать канцеляріи, такъ какъ есть срочныя бумаги.

— Какія тамъ бумаги!—сказалъ Кургановъ,—тутъ дѣло идетъ о нашей жизни, а вы съ бумагами!

22 декабря происходила погрузка казаковъ въ вагоны. Особый поѣздъ былъ заготовленъ забастовочнымъ комитетомъ. Погрузка происходила въ полномъ порядкѣ, только изрѣдка раздавалось „ура!“ изъ рядовъ провожавшихъ желѣзнодорожниковъ. Кургановъ отдавалъ распоряженія. Поѣздъ тронулся. Маршрутъ полка былъ намѣченъ въ Усть-Лабу, а оттуда верхомъ въ городъ Майкопъ предложить адаману отдѣла принять знамя, денежный ящикъ и распустить полкъ по станицамъ.

На промежуточныхъ станціяхъ было нѣсколько отставшихъ. Нѣсколько казаковъ независимо другъ отъ друга, не желая показать своего страха передъ товарищами, тайно ходили къ своимъ офицерамъ и совѣтовались—итти ли имъ вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры дали совѣтъ: идите и при первой возможности возвращайтесь. На первой же станціи одинъ изъ казаковъ незамѣтно вышелъ изъ вагона и залѣзъ въ тростникъ, гдѣ и пролежалъ, покуда не ушелъ поѣздъ на Усть-Лабу. Нѣсколько человѣкъ такимъ же образомъ отстали въ Усть-Лабѣ.

Слухъ объ идущемъ въ боевомъ порядкѣ, но безъ офицеровъ, полкѣ быстро разнесся по окрестнымъ станицамъ. Населеніе выходило на встрѣчу, доставлялось продовольствіе. Во все время суммы изъ денежнаго ящика оставались нетронутыми.

Особенно торжественно полкъ былъ встрѣченъ въ Майкопѣ. 27-го въ Майкопѣ происходилъ митингъ по поводу предстоявшихъ выборовъ въ Государственную Думу. Вдругъ раздался крикъ: „казакъ ѣдетъ!“ Всѣ

заволновались и заговорили: „откуда казакъ? зачѣмъ здѣсь казакъ?“

— Казакъ Урупскаго полка, гонецъ отъ полка!— сказалъ кто-то громко и возбужденно.

— Гдѣ полкъ, когда прибудетъ? зачѣмъ пріѣхалъ? —посыпались на казака вопросы съ разныхъ сторонъ.

Казака пропустили къ трибунѣ, и онъ съ трибуны объяснилъ, что Урупскій полкъ въ ближайшей станицѣ, скоро прибудетъ въ Майкопъ и желаетъ заранѣе узнать, какъ примутъ его граждане—радостно или враждебно, и будутъ ли посланы противъ него мѣстныя войска.

Раздались крики: „Ура казакамъ! Слава Урупцамъ!“

Попъ попробовалъ что-то сказать о присягѣ, но былъ стащенъ за полы съ трибуны. На трибуну вошелъ старый неслужилый казакъ *) и, обращаясь къ гонцу и къ народу, началъ говорить:

— Здѣсь сказано было: казаки нарушили присягу, а я говорю вамъ: нѣтъ, они ее не нарушили. Присяги бить гражданъ въ родной странѣ нѣтъ и не должно быть. Казаки отказались исполнить безчеловѣчныя приказанія своего начальства бить своихъ братьевъ; и они обязаны были это сдѣлать. За то, что вы отказались бить и убивать людей, я низко кланяюсь тебѣ, казакъ, братъ мой!

И говорившій снялъ папаху и низко поклонился гонцу. Это вызвало взрывъ энтузіазма.

Были избраны двѣ депутаціи—одна къ атаману отдѣла съ просьбой не высылать войска противъ казаковъ, другая—для встрѣчи полка. Во вторую депутацію предложили войти городскому головѣ и мѣщанскому старостѣ, какъ представителямъ города.

28-го числа полкъ долженъ былъ явиться въ городъ. Съ ранняго утра на городскомъ выгонѣ начали стекаться толпы народа. Вышелъ весь городъ. Толпа была не менѣе 20 тысячъ. Одинъ изъ священниковъ вынесъ хоругви, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Торговцами были приготовлены столы съ закуской для угощенія прибывающихъ казаковъ.

На встрѣчу полку выѣхалъ, по обязанности службы, и атаманъ отдѣла генералъ Косякинъ.

*) Это былъ Д. С. Иваненко.

— Полкъ, въ резервную колонну стройся!—раздалась громкая команда Курганова. И шестьсотъ всадниковъ безъ суеты и суматохи, буквально не стукнувъ стремя о стремя, развернулись во фронтъ передъ экипажемъ атамана отдѣла, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ.

Кургановъ подъѣхалъ къ атаману отдѣла и доложилъ:

— Ваше превосходительство, 2-ой Урупскій полкъ прибылъ изъ Екатеринодара въ составѣ 5-ти сотенъ безъ офицеровъ,—и подалъ рапортъ съ указаніемъ числа урядниковъ, нижнихъ чиновъ, числа здоровыхъ и больныхъ лошадей.

Атаманъ отдѣла обратился ко всему полку:

— Ну, что же вы мнѣ скажете? Выберите кого-нибудь для доклада.

Кургановъ заявилъ, что онъ уполномоченъ говорить отъ имени полка и что, до полученія приказа о роспускѣ, полкъ оставляетъ при себѣ знамя, денежный ящикъ и оружіе.

— Знамя, денежный ящикъ приму, распустить же полкъ не имѣю власти,—сказалъ атаманъ отдѣла.

— Въ такомъ случаѣ полкъ ничего сдавать не будетъ и возвратится въ станицу Гіагинскую.

Атаманъ отдѣла послѣ этого вмѣстѣ съ адъютантомъ уѣхалъ въ городъ.

По отъѣздѣ начальства Кургановъ вызвалъ изъ толпы сотенныхъ командировъ и старшихъ урядниковъ на совѣтъ. Рѣшено было возвратиться въ станицу Гіагинскую. Въ это время къ урядникамъ подошла депутація и просила принять отъ города угощеніе. Городской голова поднесъ хлѣбъ-соль и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ городъ Одинъ изъ членовъ городской депутаціи сказалъ привѣтственную рѣчь. Онъ говорилъ о счастливѣйшемъ днѣ своей жизни, до котораго онъ дожилъ и котораго ждалъ, что казаки откажутся стрѣлять въ своихъ братьевъ, и призывалъ казаковъ дать клятву никогда больше не итти съ оружіемъ противъ роднаго народа.

— Даемъ клятву!—раздалось много голосовъ въ рядахъ казаковъ.

Послѣ того былъ отслуженъ молебенъ, и казакамъ было предложено угощеніе отъ города.

Выступленіе въ станицу Гіагинскую назначено было на слѣдующій день. На ночь казаки размѣстились по домамъ обывателей, а знамя и денежный ящикъ рѣшено было поставить въ Мѣщанской Управѣ. Вечеромъ произошло вновь совѣщаніе урядниковъ, на которомъ выработанъ былъ текстъ воззванія 2-го Урупскаго полка къ народу. Съ текстомъ воззванія нѣсколько казаковъ отправилось въ типографію, но завѣдующій типографіей отказался напечатать безъ разрѣшенія полицеймейстера. Казаки розыскали полицеймейстера и потребовали, чтобы онъ поставилъ требуемое разрѣшеніе. Увидѣвши вооруженныхъ Урупцевъ, полицеймейстеръ написалъ на поданномъ ему текстѣ: „По вынужденію урупцевъ и въ огражденіе спокойствія города разрѣшилъ къ печатанію. Исправляющій должность полицеймейстера Ромащукъ.“

Приводимъ дословно текстъ этого воззванія, отпечатаннаго Урупцами въ 10000 экземпляровъ и перепечатаннаго потомъ организаціями соц.-рев. Это воззваніе было помѣщено и въ „Молвѣ“ (11 января 1906 г.):

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи!

Граждане! Обращаемся къ вамъ за справедливымъ сужденіемъ о нашемъ дѣлѣ. Мы его дѣлали открытымъ и хочемъ, чтобы весь народъ русскій зналъ, что какъ было. Мы останемся вѣрными слугами Его Императорскаго Величества Государя Императора и готовы защищать нашу родину отъ внѣшнихъ враговъ до послѣдней капли крови. Призванные по мобилизаціи 22-го ноября 1904 года во время войны съ Японіей, готовые доказать всему міру свою вѣрность родинѣ, жаждущіе сразиться съ врагомъ, мы волей нашего правительства были оставлены внутри Россіи для несенія полицейской службы. Слѣпо повинуясь нашему начальству, мы ревностно исполнили всѣ его приказанія: били народъ плетьми, разгоняли его прикладами, растрѣливали безоруженныхъ гражданъ на улицахъ, топтали ихъ конями, мы охраняли гостиницы и публичные дома, насъ отдавали подъ начальство городовыхъ, которые распоряжались нами въ цѣляхъ своей выгоды. Въ холодѣ и голодѣ несли мы службу, но безъ ропота молчали, думая, что этимъ исполняемъ волю Государя, но когда манифестомъ 17 октября нашъ Царь

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

далъ русскому народу свободу, когда всѣмъ ясно стало, что онъ хочетъ облегчить жизнь бѣдному люду и когда нашему житью каторгѣ не стало облегченія, тутъ-то мы стали понимать, въ чемъ главная суть есть. Начальство наше такъ устроило, что манифестъ насъ совсѣмъ не коснулся, какъ будто бы мы были турки, а не такіе же вѣрноподданные Государя Императора, какъ будто бы мы были не сыны родины, не такіе же граждане, какъ и вы, не защитники отечества. А, между тѣмъ, жить намъ становилось все хуже и хуже, больше не было мочи выносить. Намъ запрещали ходить на митинги, гдѣ говорилась правда, намъ запрещалось подъ страхомъ наказанія собираться промежъ себя, обсуждать свои нужды, а когда мы заявили своему начальству, что насъ кормили цвѣлымъ хлѣбомъ, что въ казенныхъ сухаряхъ былъ шашелъ, не говоря уже за мясо и горячую пищу, то одинъ изъ офицеровъ Б. сказалъ съ насмѣшкой, что „вы дома ѣли хуже, чѣмъ мои собаки ѣдятъ, а тутъ еще не понравилось вамъ казенное кушанье“. Насъ прировняли къ собакамъ, не посмотрѣли на нашу просьбу. Нами замѣняли лошадей, на насъ вывозили конскій навозъ со двора, какъ это было въ 5-й сотнѣ. Лошадей нашихъ кормили осокой. Какъ это было во время пребыванія полка въ лагерномъ сборѣ въ станицѣ Крымской, причемъ отъ такой пищи нѣсколько лошадей пало, а многія позаболѣли. Нѣсколько разъ мы заявляли о нашей тяжелой жизни начальству, намъ отвѣчали на наши просьбы обѣщаніями предать суду, отборной бранью и угрозами застрѣлить всякаго, который осмѣлится пожаловаться на свое положеніе, насъ заставляли молча оберегать тѣ «заведенія», гдѣ офицера въ весельи проводили время.

Граждане! Тяжело намъ пришлось, такъ тяжело, что и разсказать нельзя. Горько и обидно намъ стало, когда послѣ манифеста 17-го октября правительство заставляло итти насъ противъ воли Государя, дозволившаго свободу собраній, слова, совѣсти и союзовъ, когда оно заставляло насъ разгонять собранія, убивать народъ, требующій своихъ законныхъ правъ, какъ это было въ городѣ Екатеринодарѣ, а до того — въ городѣ Новороссійскѣ. Мы поняли, какое преступленіе мы совершали передъ горячо любимой родиной, исполняя

безумныя приказанія своего начальства, а потому мы категорически отказываемся отъ нанесенія полицейской службы, видя ея преступность, считая ее несовмѣстимой съ воинской честью казаковъ.

Мы обратились тогда съ заявленіемъ о роспускѣ къ нашимъ офицерамъ, какъ къ старшимъ, такъ и младшимъ, мы объяснили имъ, что война окончена, что насъ держатъ для усмиренія того народа, который хочетъ свободы, что хозяйства наши безъ насъ поразстроились, что многіе изъ насъ совсѣмъ разорились, что наши жены и дѣти голодаютъ въ то время, какъ мы находимся на полицейской службѣ, мы объяснили имъ, что никто не заботился о нашихъ семействахъ, мы объявили, что хотимъ разъѣхаться по домамъ.

Что же сдѣлало наше правительство?

Пошло ли оно навстрѣчу желаніямъ казачества?— Нѣтъ.

Оно стало упрекать насъ въ бунтѣ, въ измѣнѣ присягѣ Царю и отечеству, оно не хотѣло исполнить нашихъ просьбъ, стараясь строптивостью и грубостью задавить голосъ изболѣвшейся души. Но, когда наше начальство увидѣло, что мы держимся дружно, то оно не дало намъ окончательнаго отвѣта, стараясь уклониться отъ него, возбуждая въ то же время противъ насъ пластуновъ. Такъ, напримѣръ, по приказанію генералъ-маіора Бабича были вызваны для охраны наказнаго атамана къ дворцу нашихъ двѣ конныхъ сотни, въ то же время около дворца стояли двѣ сотни пластуновъ, которымъ предлагали разстрѣлять насъ, какъ бунтовщиковъ, но они отказались такъ же, какъ и мы отказались, когда насъ хотѣли направить на 252-й Анапскій резервный батальонъ.

Когда же такимъ образомъ коварные замыслы нашего начальства не удались, благодаря отказу пластуновъ, когда мы узнали, что правительство мобилизуетъ новыхъ казаковъ, быть можетъ, съ цѣлью натравить противъ насъ, то сочли за благо удалиться изъ Екатеринодара въ свой отдѣлъ.

Рѣшили это мы сдѣлать потому, что не хотѣли крови, не хотѣли братоубійственной войны, которую хотѣло устроить наше начальство, натравить солдата на казака, брата на брата, чтобы потомъ покрѣпче сѣсть на нашу шею; мы же хотимъ мира и спокой-

ствія; мы хотимъ счастья для всѣхъ гражданъ и, понявъ наконецъ, поведеніе нашего начальства, которое заставляло насъ избивать нашъ народъ, жаждущій справедливости и свободы, мы присоединяемъ свой голосъ къ голосу всей Россіи и требуемъ:

I. Немедленнаго созыва Государственной Думы на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, такъ какъ только такая Дума можетъ внести миръ и спокойствіе въ нашу изстрадавшуюся родину.

II. Требуемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ людей, пострадавшихъ за дѣло свободы.

III. Чтобы нашъ роспускъ былъ узаконенъ и прочитанъ при станичныхъ сборахъ.

IV. Удовлетворить насъ всѣми довольствіями, положенными отъ казны и войска, а именно: жалованьемъ, ремонтными, провіантскими, приварочными, фуражными, положенными отъ города, желѣзной дороги, и обмундировочными деньгами.

V. Чтобы никто изъ предъявившихъ эти требованія не пострадалъ,—за каждаго пострадавшаго казака возстанетъ на защиту весь 2-ой Урупскій полкъ.

Впредь до исполненія указанныхъ требованій, мы рѣшили оружія оставить при себѣ.

2-й Урупскій полкъ.

По приходѣ полка въ станицу Гіагинскую, казаки размѣстились у станичниковъ. Жители станицы доставляли казакамъ продовольствіе. На Церковной площади происходили ежедневно собранія, въ которыхъ принимали участіе и станичные жители. Рѣшено было выжидать мѣръ со стороны начальства. Общее убѣжденіе было, что ни солдаты, ни казаки другихъ полковъ не пойдутъ силою противъ урупцевъ.

Большинство казаковъ было распущено по сосѣднимъ станицамъ съ тѣмъ, чтобы по первой тревогѣ всѣ собрались въ станицу Гіагинскую. Для быстраго сбора было назначено шесть участковыхъ начальниковъ. Отъѣзжавшіе казаки брали съ собою нѣсколько экземпляровъ воззванія. Его прочитывали на станичныхъ сборахъ. Послѣ прочтенія его сходъ станицы Келермеской, на которомъ присутствовали какъ казаки, такъ и пришлые, всего до 500 человѣкъ, единогласно постановилъ приговоръ, въ которомъ говори-

лось, что поступокъ урупцевъ правильный и что, если кто-либо изъ нихъ пострадаетъ, то всѣ жители должны съ оружіемъ присоединиться къ урупцамъ. Въ другихъ станицахъ сходы тоже заявили свое сочувствіе урупцамъ.

Разъѣзды урупцевъ по станицамъ вызвали самое серьезное безпокойство начальства. 22-го января генералъ Бабичъ телеграфировалъ начальнику области, что казаки рѣшили итти по области возбуждать другіе отдѣлы и успѣхъ имѣютъ, нужно спасать войска вызовомъ армейскихъ войскъ. 30 января начальникъ отряда телеграфировалъ уже, что по всему отдѣлу идетъ поголовная мобилизація.

Оставшіеся въ Гіагинской станицѣ казаки несли караульную службу около знамени и въ станицѣ организовали развѣдки.

30-го декабря одному изъ развѣдочныхъ отрядовъ удалось перехватить транспортъ ружей, переправлявшихся изъ Майкопа въ станицу Тенгинскую. Везшимъ оружіе казакамъ было приказано повернуть въ Гіагинскую, гдѣ они и сдали транспортъ Курганову. Курановъ приказалъ раздать оружіе желающимъ изъ станичныхъ жителей.

Около Усть-Лабы, откуда идетъ желѣзная дорога, былъ поставленъ сторожевой постъ, чтобы своевременно получать свѣдѣнія о всякихъ передвиженіяхъ войскъ.

Такъ тянулось около мѣсяца. Администрація долго не рѣшалась выступить противъ урупцевъ. Наказнымъ атаманомъ были посланы офицеры по станицамъ, чтобы возстанавливать общественное мнѣніе станичниковъ противъ урупцевъ. Кой-гдѣ офицерамъ удалось угрозами добиться постановленія приговоровъ объ исключеніи изъ общества непокорныхъ урупцевъ, но большинство отвѣчало, что судить урупцевъ они не могутъ, нѣкоторые сходы требовали, чтобы дѣло объ урупцахъ было представлено на усмотрѣніе государя.

Сами урупцы вѣрили, что если государь узнаетъ причины ихъ ухода со службы, онъ оправдаетъ ихъ. Было составлено всеподданнѣйшее прошеніе государю и подписано казаками. Депутатами отъ полка къ государю были посланы Шумаковъ и Крикуновъ. Пріѣхавши въ Царское Село, они были окружены шпиками, выражавшими явное намѣреніе ихъ арестовать. Только благодаря хитрости имъ удалось ускользнуть отъ ареста

Со своей поѣздки депутаты вернулись уже послѣ сдачи полка. Побывавши въ своихъ станицахъ и разсказавши о своихъ приключеніяхъ, депутаты, чтобы раздѣлить участь товарищей, отдались въ руки властей.

Начальникъ области издалъ еще приказъ по Кубанскому войску, въ которомъ, разсказывая о томъ, какой несмываемый позоръ наложили на славное кубанское войско урупцы, призывалъ самихъ казаковъ привести урупцевъ къ повиновенію. Приговоръ читался на всѣхъ сходахъ, но только станицы сѣверной части Кубанской области отозвались на него осужденіемъ поступка урупцевъ, но и тамъ не нашлось охотниковъ итти добровольно противъ урупцевъ.

Потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ подавить урупцевъ силами добровольцевъ, начальство начало подготовлять противъ нихъ вооруженную силу изъ оставшихся вѣрными ему войскъ.

Станица Гіагинская и сосѣднія станицы были объявлены на военномъ положеніи. Всякое сообщеніе между Гіагинской станицей и Усть-Лабой, а также Армавиромъ и Майкопомъ было прекращено. Это было въ концѣ января, когда вооруженныя возстанія въ Москвѣ, въ Ростовѣ, въ Новороссійскѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ уже были подавлены. Настроеніе было угнетенное. Отряды для усмиренія урупцевъ стали составлять изъ оставшихся на службѣ пластуновъ и двухъ сотенъ Екатеринодарскаго казачьяго полка. Къ нему была присоединена полевая артилерія въ составѣ двухъ орудій. Во главѣ отряда былъ поставленъ войсковой старшина Мудрый.

Неохотно шли казаки, офицеры не были увѣрены, согласятся ли стрѣлять казаки въ урупцевъ. Сами урупцы были увѣрены, что кавказцы въ нихъ стрѣлять не будутъ.

Для наблюденія надъ движеніемъ отряда на станицѣ Гіагинской были выставлены сторожевые посты. Сторожевые казаки пробовали по ночамъ завязать сношеніе съ казаками отряда, но безуспѣшно.

Какъ только въ Гіагинской узнали о приближеніи отряда Мудраго, немедленно были посланы гонцы во всѣ стороны, гдѣ находились урупцы съ требованіемъ собраться. Была устроена общая сходка. Никто не вѣрилъ, чтобы станицу могли бомбардировать. Поэтому

рѣшено было первымъ, во всякомъ случаѣ, огня не открывать и только въ случаѣ, если пойдутъ приступомъ и будутъ брать знамя, защищаться до послѣдней крайности. Была намѣчена система обороны, кое гдѣ начали дѣлать окопы, на случай, если не хватитъ пуль, была устроена мастерская для отливки пуль.

Когда отрядъ окончательно собрался, начальникъ отряда Мудрый послалъ въ Гіагинскую письменное требованіе о безусловной сдачѣ и о выдачѣ зачинщиковъ. Кургановъ, посовѣтовавшись съ командирами сотенъ отъ имени полка, на бланкѣ полка отвѣтилъ, что полкъ знамени сдавать не будетъ, а на силу отвѣтитъ силою. Отвѣтъ былъ подписанъ: „Временно командующій полкомъ К у р г а н о в ъ“.

Черезъ нѣсколько дней Мудрый вновь послалъ письменное требованіе сдаться съ предупрежденіемъ, что если сдача не произойдетъ, то 6-го февраля начнется бомбардировка станицы.

Кургановъ вновь отписалъ отказомъ.

6-го февраля, дѣйствитсльно, открылась пальба изъ орудій. Жители попрятались по погребамъ. Среди урупцевъ началось смятеніе. Нѣкоторые требовали вылазки, чтобы силою завладѣть артиллеріей. Другіе стояли за сдачу.

Послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, которыми было разрушено нѣсколько хатъ и снесена крыша въ церкви, къ урупцамъ стали приходить жители станицы съ просьбой не подвергать станицы разгрому. Жители станицы просили послать ихъ депутатами къ начальнику отряда, чтобы исхлопотать для урупцевъ безнаказанность. Урупцы согласились. Войсковой старшина Мудрый на просьбу депутаціи потребовалъ, чтобы урупцы сложили козлами винтовки, чтобы явились въ полномъ строю на опредѣленное мѣсто въ трехъ верстахъ отъ станицы, и при этомъ сказалъ: «Дѣло находится въ царскихъ рукахъ, отъ его величества будетъ зависѣть судьба урупцевъ. Ни наказный атаманъ, ни подчиненное начальство за содѣянный поступокъ карать не будетъ, пока не послѣдуетъ приказа отъ его величества или отъ намѣстника кавказскаго».

Въ тѣхъ же выраженіяхъ посылалъ приказъ по войску начальникъ области.

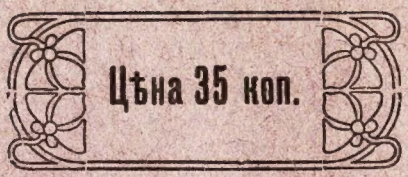
Выслушавъ онъ депутаціи отвѣтъ Мудраго, урупцы рѣшили подчиниться. Они явились на назначенное мѣсто, гдѣ отъ нихъ потребовали вторичнаго принесенія присяги, послѣ чего Курганову было предложено вести полкъ въ Екатеринодаръ въ мѣсто постоянной стоянки полка. Денежный ящикъ былъ сданъ тотчасъ же съ неповрежденными печатями. По приходѣ въ Екатеринодаръ были немедленно арестованы Курановъ, Гаврилюкъ, Сушковъ, всѣ сотенные командиры, всего до 50-ти человѣкъ. Начато было предварительное слѣдствіе. Суду сначала были преданы всѣ казаки, но позднѣе, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе было прекращено по отношенію ко всѣмъ кромѣ 39-ти, какъ главнымъ подстрекателямъ.

8—14 октября 1906 г. происходилъ судъ надъ урупцами. День суда сопровождался демонстративной забастовкой рабочихъ въ Екатеринодарѣ

14-го октября былъ вынесенъ приговоръ, по которому Курановъ осужденъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, Шумаковъ и Бычковъ—на 15 лѣтъ, 17 казаковъ въ дисциплинарный баталіонъ на разные сроки, 14 человѣкъ къ аресту на разные сроки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходотайствовать передъ Николаемъ II о смягченіи наказанія

Смягченія наказанія не послѣдовало...

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА



Складъ изданія въ Комитетѣ партіи Соціалъ-Революціонеровъ, Базарная, № 26.